В 1798 г. в Николаеве вышла поэма Боброва «Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе, лирико-эпическое стихотворение». В это время Радищев жил в селе Немцово. Около 1799 г. он начал писать поэму «Бова», в первой песне которой дважды и панегирически упоминается Бобров. Учитывая, с каким опозданием до Радищева должно было дойти известие о книге, вышедшей в Николаеве, как сложно было эту книгу выписать (а уже в следующем, 1799, году он ее вспоминает), мы с достаточной долей вероятия можем предположить, что Бобров сам послал немцовскому пленнику свое сочинение.

В пользу нашего предположения говорят и следующие обстоятельства. М. П. Алексеев в работе о «Бове» отметил сходство стихотворения Боброва «Стансы на учреждение корабельных и штурманских училищ» (написано в 1798 г., опубликовано лишь в 1804 г.) со стихами Радищева во введении к «Бове».[12] Еще более важным является следующий факт. В «Бове» Радищева говорится, что могила Овидия находится в устье Дуная. Никаких сведений в печати по этому поводу к 1799 г. не появилось. Известное специалистам сообщение инженера Ф. П. Деволана вряд ли могло, как справедливо отмечает М. П. Алексеев, дойти до ссыльного Радищева. Вместе с тем в стихотворении Боброва «Баллада. Могила Овидия, славного любимца муз», написанном до 1800 г., вероятно, около 1798 г. (опубликовано в 1804 г.), тоже сказано, что могила Овидия расположена в устье Дуная. Есть здесь и другие сближения, тоже отмеченные М. П. Алексеевым.[13]

Можно думать, что эти совпадения не случайны. Представляется вероятным, что Бобров посылал Радищеву и свои еще не опубликованные произведения.

Не исключено, что перед самым отъездом из Немцова Радищев снова обратился мыслью к давнему знакомцу. Существует предположение В. П. Семенникова, что в «Памятнике дактилохореическому витязю» под Б., выражающим в литературном споре точку зрения автора, следует разуметь Боброва.[14]

Глубокий интерес Боброва к Радищеву понятен. Он полностью разделял отрицательное отношение Радищева к рифме. «Таврида» была написана белыми стихами, а в предисловии к ней автор писал, что «рифма никогда еще не должна составлять существенной музыки в стихах».[15] Близка была Боброву и радищевская идея выразительности в ущерб гармонии. Его стих действительно зачастую «туг и труден на изречение». И особенно важной была для Боброва мысль о затемненности, сложности поэтического текста. Именно за «темноту» всегда упрекали Боброва его многочисленные противники. В свою очередь понятны и восторженные от-

---

[12] *Алексеев М. П.*, с. 191—192.

[13] Там же, с. 170—173.

[14] См.: *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. II, с. 395.

[15] *Бобров С.* Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе. Николаев, 1798 (без пагинации).